

АЛЕКСАНДР ФЕДОТОВ

Новые

Записки матроса
с «Адмирала Фокина»

Александр Федотов

**Новые записки матроса с
«Адмирала Фокина» (сборник)**

«Автор»

2012

Федотов А.

Новые записки матроса с «Адмирала Фокина» (сборник) /
А. Федотов — «Автор», 2012

«...Армию и флот называют школой жизни. Это действительно так. Служба в наших вооруженных силах – это зачастую испытание всей сущности человека в условиях, максимально приближенных к экстремальным... Это школа жизни, которая на моих глазах некоторых людей ломала физически и, самое страшное, ломала морально, но она же воспитывала и характер, открывала человеку глаза, заставляла по-новому взглянуть на людей, на привычные вещи и произвести реальную переоценку, казалось бы, незыблемых ценностей. На корабле я видел и закоренелых пролетчиков, а по сути – честных, справедливых людей, настоящих мужчин, и передовиков-отличников, которые, на поверку, по своим моральным качествам этим пролетчикам и в подметки не годились. И эта книга о том, как я и мои друзья проходили эту школу жизни...»

© Федотов А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Всё, о чём рассказываю...	5
Внучатый племянник	8
Корабль	11
Фокинцы	13
Папа	20
Потомки легендарных комиссаров	24
Большой Зам	27
Как у «оленя» шило увели	32
Крысиный король	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Федотов

Новые записки матроса с «Адмирала Фокина»

Всё, о чём рассказываю...

*Матросы – отродье хамское, но дело своё разумеют. А посему!
Жалование платить, в кабаки пускать, девкам любить. Пособие из сукна
выдавать. Будучи за границей, на берег не спускать. Ибо он умного слова
не скажет и драку учинит.*

(Петр I)

Все события, о которых я рассказываю в этой книге, происходили в реальной жизни. Я сам был участником или свидетелем описываемых событий во время своей службы матросом на ракетном крейсере Тихоокеанского Флота, или я по свежей памяти записал рассказы очевидцев, чьим словам я полностью доверяю. Мне ничего особо и не надо было выдумывать: жизнь ярче и выразительнее любой выдумки.

В эту книгу я включил дополненные и расширенные истории, вошедшие в мой первый сборник морских, вернее флотских рассказов («Записки матроса с «Адмирала Фокина», Москва, «Ленор», 2008 г.), и добавил к ним много новых... В том числе те истории, которые рассказали мне мои друзья и сослуживцы: Дмитрий Голиков и Роман Фролов, а так же мой брат Митяй Федотов, служивший не на флоте, а радистом в Заполярье, на берегу холодного Карского моря. Я очень благодарен им за их чувство юмора и за ту помощь, которую они оказали мне в подготовке материала для этой книги. Вместе мы провели не один долгий вечер, сидя на кухне и вспоминая весёлые, трагичные, курьезные и всегда очень характерные истории, произошедшие с нами во время нашей службы. Эти вот истории и легли в основу моего нового сборника.

Армию и флот называют школой жизни. Это действительно так. Служба в наших вооруженных силах – это зачастую испытание всей сущности человека в условиях, максимально приближенных к экстремальным... Это школа жизни, которая на моих глазах некоторых людей

ломала физически и, самое страшное, ломала морально, но она же воспитывала и характер, открывала человеку глаза, заставляла по-новому взглянуть на людей, на привычные вещи и произвести реальную переоценку, казалось бы, незыблемых ценностей. На корабле я видел и закоренелых пролетчиков, а по сути – честных, справедливых людей, настоящих мужчин, и передовиков-отличников, которые, на поверку, по своим моральным качествам этим пролетчикам и в подметки не годились. И эта книга о том, как я и мои друзья проходили эту школу жизни.

До службы я, наивный призывник, знал об армии и флоте только по советским военным фильмам и телевизионной программе «Служу Советскому Союзу!». Ну и по героическим рассказам ветеранов, выступавших перед школьниками по случаю очередной годовщины Победы. Я свято верил, что так оно и есть на самом деле, что в наших доблестных вооруженных силах дисциплина и порядок, что опытный наставник, старослужащий, обращаясь к молодому матросу, всегда отдаёт ему честь и уважительно говорит: «Товарищ матрос...» Мне тогда было восемнадцать лет. И я тоже, как те ребята из телепередачи, хотел увлекательно и с пользой, провести три года своей жизни, честно служа неделимому и навеки сплоченному Советскому Союзу. В то время у меня, как и у большинства моих сверстников, и в мыслях не было «косить» от армии. Почему и ожидал меня на флоте, как бы это помягче выразиться, маленький сюрприз.

В любом замкнутом и изолированном на долгое время от остального общества коллективе со временем возникают свои законы, нормы поведения, своя иерархия, свой неуставной табель о рангах, и армейская/флотская жизнь – самая подходящая среда для таких проявлений. Как и положено всякой иерархии, она построена по принципу пирамиды, вертикали власти, где нижние «чины» беспрекословно подчиняются высшим под угрозой физической и моральной расправы, так называемой «годковщины» на флоте или «дедовщины» в армии. Те, кто прошел три года службы на флоте, знают эти законы неуставной иерархии как свои пять пальцев. Там этой науке обучают быстро, и запоминается она на всю жизнь. Обучение начинается с первой же секунды, как молодой матрос вступает в свое первое, пусть даже мимолетное, непосредственное соприкосновение со старослужащими.

Важно понимать, что при отсутствии нормальной контрактной вольнонаёмной армии, когда у солдат и матросов нет реальных человеческих и гражданских прав, на этой пресловутой годковщине, в основном, и держится вся воинская дисциплина. Получить по морде от годка за недобросовестно выполненный приказ караси бояться куда больше офицерского «наряда вне очереди». Офицеры это знают, и многие этим пользуются...

В этой книге я, однако, пишу не о годковщине как таковой. Она составляет лишь одну, хоть и очень существенную, часть флотской действительности. Я пишу о жизни. Пишу о том, как мы, восемнадцатилетние пацаны, вырванные не по своей воле, а в рамках всеобщей воинской повинности, из комфортабельной, привычной домашней обстановки и втянутые, как в омут, в инородную казенную среду, вынуждены были приспособливаться там жить. Жить по совершенно новым, непонятным нормальному человеку законам и понятиям, зачастую чуждым логике и здравому смыслу. Я пишу о том, как даже в тех условиях мы находили возможность радоваться этой жизни. Пишу о людях, с кем мне довелось служить, рассказываю об отношениях, с которыми мне и моим друзьям пришлось столкнуться.

Я служил на флоте три года, с 1986 по 1989. С тех пор много воды утекло в Тихий океан. Сейчас срок службы сократили до одного года. На первый взгляд кажется – какая ерунда! Один год! Какая теперь-то тут может быть годковщина? Спать вечером «карасём» ляжешь, а утром уже дембелем проснешься. Но это только на первый взгляд...

Когда я уже дописывал последние страницы этой книги, мне неожиданно позвонил мой друг, состоятельный бизнесмен из Владивостока. Два месяца назад он отдал служить в армию своего младшего сына. «Отмазать» его от службы, если бы он захотел, ему не составило бы

большого труда: связи и деньги имелись. Но он принципиально сказал сыну: «Ты пойдёшь служить. Из-за того, что всякие уроды сейчас косят от армии, и бардак такой в стране. И 59-ю статью Конституции России, которая гласит: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина», ещё никто не отменял. А раз ты гражданин России, то будь добр – иди и служи честно.»

И вот через два месяца растерянный и потрепанный новобранец-сын вырывается на выходные домой и рассказывает ему о таких армейских реалиях, что у отца волосы на голове зашевелились. Сын в конце сказал, что, узнав кто у него отец, удивленные офицеры и годки спросили его: «Ты как сюда попал? Почему твой крутой папаша тебя не отмазал?! Неужели денег пожалел?»

Сын ответил словами отца, что-то про честность, долг и Конституцию... Офицеры и сослуживцы смеялись долго, от души: «И ты – придурок, и отец твой – мудака...» – выдали они своё однозначное заключение.

Теперь у моего друга задача одна – поскорее положить конец этому неудачному эксперименту.

Что же получается: со времени моей службы на флоте прошли годы, а там ничего по сути не изменилось. Всё стало только более концентрированным, сжатым по времени. Ясно одно, эта книга актуальна и сегодня. Пока матросы и солдаты в наших вооруженных силах остаются бесправной и бесплатной рабочей силой, бардак и годковщина там будут продолжаться.

Как правильно сказал мой друг, Рома Фролов: «Служба на флоте – она как тельняшка», а там, где есть черное, всегда, конечно, есть и белое. Надо понимать, что за три года службы на флоте было много и положительных моментов, и веселых историй. И самое главное: мне посчастливилось служить на корабле вместе со многими настоящими людьми. И эта книга тоже об этом. Хотя... если подумать о весёлых историях, то большинство из них пришлось всё-таки на последний год службы. По «карасевке» было не до веселья...

И именно по этому, добавив в новый сборник много смешных рассказов, я специально не делал из этой книги просто коллекцию флотских баек. Я хотел, чтобы моя книга дала читателю возможность задуматься о сути многих вещей, которые до сих пор происходят в наших вооруженных силах, в условиях изоляции от правового и гражданского общества. И есть слабая надежда, что это поможет изменить что-нибудь к лучшему.

Три года срочной службы на ракетном крейсере Тихоокеанского флота до сих пор остаются одновременно одними из самых трудных и самых памятных в моей жизни. Они оставили в моей жизни неизгладимый и неоднозначный след. И первый год службы занимает там своё отдельное, особое место. Но... каждое последнее воскресенье июля мы, бывшие сослуживцы-друзья, вместе с семьями идём на набережную Невы к Медному Всаднику праздновать день ВМФ.

А летом, когда мы дружной ватагой отправляемся в наш ежегодный поход на Карельский перешеек, то, выстроившись на берегу лесного озера, неизменно начинаем поход с торжественного подъема военно-морского флага. И наши дети тоже с особенным чувством гордости надевают по этому торжественному поводу полосатые тельняшки и строго следят за тем, чтобы не коснулся земли развевающийся на ветру красноезвездный военно-морской флаг...

Автор.

28 Марта, 2012 года. Санкт-Петербург.

Внучатый племянник

Попал на флот гордись, не попал – радуйся.
(Поговорка)

Справка: Внучатый двоюродный племянник – внук двоюродного брата или сын двоюродной племянницы или троюродный внук. Обратным отношением является троюродный дед.

В октябре 1983 года ученику лесотехнического техникума города Ухты Роману Фролову пришла наконец долгожданная повестка из Военкомата. Он давно и с нетерпением ждал этого момента и даже волновался, что повестка не приходила. Как и все его друзья, Рома даже не думал «косить» от армии. Служить считалось нормальным, правильным, обычным делом. На тех, кто не служил, смотрели как на каких-то неполноценных, дефективных. Все знали, что освобождают от службы, как правило, только по какой-нибудь болезни.

В это время, шел разгар военных действий СССР в Афганистане, а на телевизионных экранах в программе «Служу Советскому Союзу!»: сменяли друг друга бодрые репортажи из воинских частей и гарнизонов; улыбающиеся статные и brave солдаты и матросы красиво ходили строем, лихо преодолевали полосы препятствий и бодро рассказывали о том, как им повезло, как много нового они узнали и чему интересному научились в своей новой дружной армейской семье. Об Афганистане телевизор не распространялся. Правда, изредка проскакивали короткие и неизменно оптимистические вставки о выполнении где-то кем-то интернационального долга. И снова красивые картинки – brave солдаты и увлекательные патриотичные репортажи.

Обрадованный с повесткой в руках Рома в назначенный день явился в местный военкомат. В тесном казенном помещении собралось ровно двадцать восемь призывников: явились все, кто получил повестку. Бросилось в глаза, что все были крепкие, спортивные, как на подбор. Многих Рома знал в лицо. Ухта – город маленький, и все эти ребята мелькали в единственном на весь город Дворце спорта, в разных спортивных секциях, вроде бокса или легкой атлетики. Рома и сам с третьего класса занимался там и самбо, и плаванием, и даже лыжами. Жилистый и спортивный, он, однако, оказался среди собравшихся здесь крепышей чуть ли не самым мелким.

Ребята в военкомате в этот день собрались сообразительные и сразу смекнули, что это неспроста, если вызвали одновременно почти всех спортсменов-одногодков города...

К ним в коридор вышел широкоплечий прапорщик и без всяких обиняков, прямо и заявил:

– Ну, что, пацаны, в Афганистан готовы?

В Афганистан! Ещё бы, не приобщиться к такому интересному мероприятию! Кто же не хочет? Приключение, да ещё какое! Да и, кроме всего, отличная возможность на халяву из Ухты выбраться, на мир посмотреть. Будет, что потом вспоминать-рассказывать!..

– А почему бы нет. Конечно. Можно и послужить! – слышалось со всех сторон.

– Товарищ прапорщик, а отбор по росту будет проводиться? – забеспокоился Рома. – У меня, например, только метр шестьдесят девять?.. Меня возьмут?..

– Не дрейфь, браток. Там вытянут! – прапорщик похлопал Рому по плечу. – Короче, если возражений нет, вы все причисляетесь к афганской команде номер 54К... Говорить родителям или нет, решайте сами...

Рома про себя твердо решил, что матери про Афганистан говорить точно ничего не будет. Скажет просто: команда 54К – и всё. Зачем человека зря тревожить. Страшного-то ведь ничего нет.

Через неделю началась подготовка. В подвальной комнате одной из жилых пятиэтажек для них создали специальную парашютную школу. От ДОСААФ выделили инструктора. Занималась команда 54К полгода по два-три раза в неделю. К концу занятий со стандартным десантным парашютом Д-5, именуемом в простонародии: «Дуб», когда на его укладку по нормативу отводилось сорок пять минут на двоих укладчиков, Рома один, с закрытыми глазами, управлялся за пятнадцать. Но сколько же можно укладывать! Уже хотелось, наконец, хоть разок и прыгнуть.

Вскоре начались и прыжки. Три прыжка с временным прибором, когда парашют раскрылся автоматически через назначенные секунды. И два прыжка с высотным прибором, где самому дёргать за кольцо приходилось, а прибор только страховал, если кто потерял сознание или з-заикаться с-стал, от-тчит-т-тывая с-сек-кунды. Для таких прыжков их специально два раза в Сыктывкар возили на базу ДОСААФ.

На этой самой базе они в первый раз и услышали странное название – «Спецназ ГРУ». Оба слова в начале восьмидесятых были словами неизвестными, интригующими своей таинственностью: На базе выяснилась и расшифровка: Войска Специального Назначения, Главное Разведывательное Управление. Вот, оказывается, куда их все полгода так усиленно готовили! Спецназ – элита! Не какая-нибудь там обычная десантура.

Подготовка наконец закончилась, и будущим спецназовцам оставалось теперь только ждать следующей повестки. А вскоре ребята из афганской команды стали эти повестки получать. Требовалось явиться для окончательной «приписки» к определённому роду войск. В военкомате всех ребят из пятидесят четвёртой команды назначили в Спецназ ГРУ (армейская разведка), но соблюдая режим секретности, озвучили, что приписали к погранвойскам КГБ. Всем назначали один день призыва – 28 апреля 1984 года. Ну, вот и дождались! В Афганистан! На войну!

Роман Фролов тоже явился по повестке в военкомат – за своей, уже решенной за него судьбой.

– Держи! – сказал дежурный капитан и вручил Роме приписной талон.

Рома глянул и не поверил своим глазам: в документе стояла совсем другая дата призыва: 9 мая 1984 года. Как раз День Победы.

– Не понял? – опешил Роман. – А как же ребята? Они же все 28 апреля?

– Ты пойдёшь служить на Флот, – не стал вдаваться в подробности капитан. – Всё. Иди. Поздравляю!.. Следующий!

Что за чертовщина?!.. Всё рушилось! Все ожидания – к черту! Как же ребята? Как же Афган? Нас же полгода готовили! Как же Спецназ ГРУ?! Какой флот?! Какие ещё, на фиг, три года?!

– Да ладно, пацан, не переживай, – успокаивал расстроенного призывника военкоматовский прапорщик, – может, тебя ещё в морскую пехоту определят... Там два года...

– Какая, там, Морская пехота?! Там в штурмовых бригадах у всех рост 186 сантиметров – минимум! Это в десантуре всего 172...

Так прапорщик и не успокоил.

Вернулся Рома домой, подавленный, грустный. Как всё объяснить матери и про команду 54К, и про флот, и про три года? А ей и самой было что своему сыну поведать. Оказывается, у неё на работе была подруга. А у подруги работал в военкомате муж заместителем начальника! Когда ромина мама рассказала своей подруге про команду 54К, та, разузнав у мужа подробности, всё ей быстренько в деталях и красках расшифровала. И про спецназ, и про ГРУ, и про Афганистан.

Получив такую неожиданную, исчерпывающую и интересную, а главное, своевременную информацию, Ромина мама, недолго думая и никому ни о чем не говоря, тихой сапой нанесла визит в военкомат:

– Как так? – говорит. – Какой ещё 54К?! Он же внучатый племянник! У него же целый дедушка адмирал! Бывший командующий Тихоокеанским Флотом! В честь него корабль назван! Фокин Виталий Алексеевич – он ведь двоюродный брат моего отца! У меня же девичья фамилия – Фокина!

Ну, в военкомате, сначала в ступор впали, а потом суета поднялась. Не на шутку. Н-да, ничего себе промашка вышла!.. Адмирал!.. Командующий!.. И даже корабль назван!.. Это же политический момент! Внучатый племянник служит на корабле имени своего легендарного деда! А мы что? Чуть не оскандалились! Едва флотскую династию не прервали!

– Очень хорошо, что вы гражданочка к нам так своевременно зашли. Где красная ручка?!!

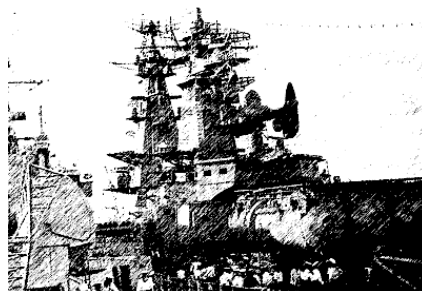
Так в Роминой учетно-послужной карточке появилась, выведенная красной ручкой, жирная и окончательная резолюция: «Только 51288».

И призывник Роман Фролов, внучатый двоюродный племянник своего знаменитого троюродного деда, отбыл служить в воинскую часть 51288, что в расшифровке означало корабль Тихоокеанского флота – ракетный крейсер «Адмирал Фокин».

Корабль

*Кто видел море, корабли
Не на конфетных фантиках,
Кого гоняли так, как нас,
Тому не до романтики.*

(Флотская песенка)

На третий день нашего пребывания на ПТК нас, наконец, переодели в матросскую форму. А на шестой день судьба в лице равнодушного капитан-лейтенанта распорядилась так, что моего друга Димку Голикова отправили на полгода в учебку на остров Русский, а меня и еще шестерых питерских ребят прямо на корабль.

Я наскоро попрощался с другом и в сопровождении виновато улыбающегося капитана третьего ранга Трахова, который был делегирован с корабля за молодым пополнением, зашагал вместе со своими новыми приятелями, навстречу судьбе. Нам, всем, не терпелось узнать: куда нас всё-таки определила эта судьба. Понятно, что с морской пехотой я пролетел. Понятно, что из Питера – колыбели Балтийского флота нас пригнали через восемь часовых поясов служить во Владивосток, на Тихоокеанский флот. Но куда же, куда конкретно нас все-таки забирают? По дороге мы засыпали нашего сопровождающего кучей вопросов.

– Товарищ капитан третьего ранга, а нас куда? На корабль?

– На корабль, – смущенно улыбаясь, как если бы ему было за что перед нами извиняться, ответил наш сопровождающий.

– А на какой корабль? Какого ранга?

– Первого. Ракетный крейсер «Адмирал Фокин», – выдал из себя ответ Трахов и добавил, как бы извиняясь. – Только он, в некотором смысле, на ремонте...

Мы не обратили на это уточнение никакого внимания.

– Первого ранга! Ух-ты! – мы радостно переглянулись между собой.

К тому времени мы уже успели узнать, что на флоте все надводные корабли делились на четыре ранга – от катеров до крейсеров. К первому рангу относились самые большие корабли! Во, повезло! До этого момента я ни разу в жизни не видел ни одного настоящего боевого корабля, кроме Авроры разумеется. Чего уж там говорить о современном ракетном крейсере, и к тому же первого ранга! Я рисовал в уме радужные картины, крейсер представлялся мне чем-то таким большим и никелированно блестящим. На палубе суровый боцман с золотой дудкой и матросы, все как один, исключительно в белых штанах – красота. Я даже подумал: черт с ним, с лишним годом, зато какая романтика!

По пути, я крутил по сторонам головой, рассматривая незнакомый мне город Владивосток. По сравнению с Питером он казался довольно небольшим. Каменные и деревянные дома были раскиданы по многочисленным сопкам, окружавшим просторную бухту. Я не сразу заметил, как мы зашли на территорию судоремонтного «Дальзавода», где, как нам объяснил наш сопровождающий, и должен был стоять наш красавец-крейсер. Мы шли вдоль причала, мимо

пришвартованных разномастных судов и суденышек. Тут были ледоколы, сухогрузы, рыболовные сейнеры, катера... Ни одно из них даже близко не напоминало тот никелированно-сверкающий образ, который я сотворил в моем воображении. От нетерпения я то и дело вытягивал шею, всматриваясь вдаль. Я старался не пропустить момент, когда передо мной предстанет наконец мой ракетный крейсер!

– Ну, вот и пришли, – виновато улыбнулся сопровождающий нас офицер.

Я нетерпеливо завертел головой. Из-за стоявшей у причала громадины, в виде гибрида строительных лесов и ржавого метала, мне было плохо видно, что там еще есть вокруг.

– Как это пришли?.. А где же крейсер?

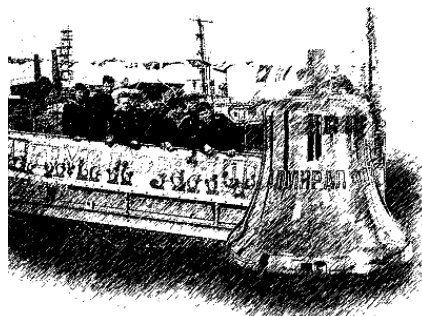
Тут мой взгляд упал на сходни, соединявшие эту опутанную паутиной разномастных шлангов и кабелей плавучую кучу металлолома с причалом. По обеим сторонам трапа, ведущего на этот гибрид, можно было различить полинялую надпись – «Адмирал Фокин». Я почувствовал, как к горлу подступает комок и неприятно закололо под ложечкой. Но надежда умирает последней. Я упорно не хотел верить, что этот странный объект имеет хоть какое-то отношение к моему крейсеру.

– Проходите, ребята, – сказал Трахов.

Эти слова добились мою еле теплившуюся надежду, как контрольный выстрел в голову. Я, как в тумане, с трудом передвигая ногами, поплёлся вслед за своими товарищами вверх по трапу и впервые в жизни поднялся на борт ракетного крейсера «Адмирал Фокин». На этой железной посудине, длиной сто сорок два и шириной чуть больше четырнадцати метров, практически без схода на берег, мне предстояло провести следующие три года жизни. По ту сторону трапа оставались счастливое детство, юность, беззаботная гражданская жизнь, а по эту – меня ждала ржавая реальность и томительно тревожная неизвестность.

Фокинцы

*Флот вам не тюрьма, здесь три года оттрубил – и свободен.
(Реплика офицера)*

Справка: Некоторые технические сведения о корабле почерпнуты из статьи капитана 1 ранга В. П. Кузина. Альманах «Тайфун» № 1, 1996 г.

Для тех, кто не служил и не знаком с неуставным табелем о флотских рангах, термины из которого часто встречаются на страницах этой книги, поясню: неуставная иерархия на корабле формируется по сроку службы.

На флоте, когда служат три года, существуют следующие семь ступенек:

1. Дух – от присяги до шести месяцев службы (до присяги вообще – Запах);
2. Карась – от шести месяцев до года (нужно отметить, что на флоте слово карась ещё означает носок, то есть тот предмет, который словарь обыкновенного русского языка определяет как «короткий чулок, не доходящий до колен»);
3. Борзый карась – от года до полутора;
4. Полторашник – от полутора до двух лет;
5. Подгодок – от двух лет до двух с половиной;
6. Годок – от двух с половиной лет до приказа о демобилизации;
7. Гражданский – после приказа о демобилизации до увольнения в запас. Этот срок по Уставу не может превышать трёх месяцев, и увольняемые считаются «дембелями».

В задачу годков и подгодков входит: заставлять полторашников правильно «строить» (воспитывать) молодых, кто по иерархии находится ниже, под ними. Полторашники, которым годки уже предоставляют многие послабления в манере поведения и в форме одежды, обязаны заставлять карасей и духов «шуршать» (то есть, выполнять все «грязные» работы по кораблю). В противном случае им придется делать всю эту работу самим. А у духов и карасей всё просто. У них всего две основные обязанности: «шуршать» и быть бесправными объектами для физической и психологической разгрузки старослужащих.

Разгрузка, в лучшем случае, проявляется в простых приколах, а в худшем – в систематических избиениях и издевательствах. А масштабы издевательства ограничиваются лишь извращенной фантазией скучающих без дела годков. Про такую разгрузку на флоте говорят: «зверкуют годки». Конечно, все люди разные и не все годки практикуют «крутую» годковщину. Многие стараются как можно меньше бить и унижать молодых матросов, но, повинувшись заведенным правилам, гоняют и заставляют карасей «шуршать», внося тем самым в годковщину и свою посильную лепту. Другие же с удовольствием и особой изощренностью издеваются над подвластными им людьми.

Подобная годковщина происходит в основном именно от скуки и безделья. Когда корабль выходит в море на боевую службу и экипаж занимается делом, то число «зверкующих» годков-упырей резко уменьшается...

* * *

«Убийцу авианосцев», ракетный крейсер «Адмирал Фокин», на котором мне выпало служить, спустили на воду с верфей Ленинградского судостроительного завода имени Жданова 26 марта 1961 года. Если посчитать, то практически день в день за семь лет до моего рождения в этом же славном городе на Неве. Проект, по которому велась разработка нашего корабля, получил в СССР кодовый номер 58, а в стане наиболее предполагаемого противника – НАТО ему присвоили классификацию – KYNDA. Одновременно с кораблём разрабатывалось и его новое ракетное оружие. Это был первый отечественный надводный корабль с ракетным ядерным оружием на борту. На крейсере установили два ракетных комплекса новейшей разработки. Шестнадцать огромных (массой более четырёх тонн) крылатых ракет могли наносить со сверхзвуковой скоростью сокрушительный ядерный удар как по морским, так и по береговым целям противника. Это был по-настоящему новый, невиданный уровень ударной мощи для советских надводных кораблей того времени.

Всего с 1961 по 1963 годы на воду спустили четыре корабля-близнеца Проекта-58: «Грозный», «Адмирал Фокин», «Адмирал Головкин» и «Варяг». Вообще-то, первый реально построенный ракетный крейсер Советского Союза первоначально задумывался не как крейсер первого ранга, а как эскадренный миноносец (эсминец) с довольно скромной боевой задачей: «борьба с эсминцами и лёгкими крейсерами противника». Однако впоследствии, после оценки реальной огневой мощи корабля, поставленная боевая задача стала куда более внушительная: «уничтожение авианосных группировок противника». А это уже задача не эсминца, а крейсера. Встал вопрос о переклассификации корабля. Вопрос окончательно решили летом 1962 – после того, как Никита Хрущёв лично посетил первенца Проекта 58 «Грозный» и остался в восторге от красавца корабля и от результатов показательных стрельб. С тех пор все корабли Проекта 58 уверенно причислили к классу крейсеров, подклассу «ракетный крейсер» – корабль 1 ранга.

Крейсера-близнецы Проекта 58 с начала 60-х годов несли боевую службу в составе всех четырех флотов нашей страны. По-разному сложились их судьбы, и экипажи каждого корабля гордились тем, что служат именно на своём ракетном крейсере. Я, конечно, не могу быть полностью объективным, но мне иногда казалось, что у моряков ракетного крейсера «Адмирал Фокин» эта гордость выражалось как-то по-особому.

* * *

Когда я впервые ступил на палубу ракетного крейсера «Адмирал Фокин», он уже долгие шесть лет стоял на ремонте в «Дальзаводе». Ржавяющий, опутанный сетью кабелей и строительных лесов, корабль представлял из себя жалкую тень прежнего красавца-крейсера. В прошлом остались дальние походы и боевые службы у берегов Йемена, Кении и острова Маврикий. В настоящем – визг грохоток, сдирающих краску до металла, километры кабель-трасс, вытаскиваемых с корабля на стенку (причал), и нескончаемые кучи строительного мусора. Единственное, что напоминало о славном боевом прошлом корабля – развивающийся на юте (корме) военно-морской флаг, начищенная до блеска рында (колокол), висевшая около покосившейся времянки рубки дежурного, и постоянно подкрашиваемая, гордая бортовая надпись: «Адмирал Фокин».

Интересная штука – человеческая натура. Даже, находясь на ржавом, вросшем в причал, полуразобранном корабле, на котором уже восемь поколений «Фокинцев» не выходило в море,

всё равно ощущалась гордость за свою принадлежность к этому славному крейсеру. Эта гордость передавалась из поколения в поколение.

Когда на корабль приходили новые «духи» или «караси», годки обязательно строили их и пересказывали краткий курс боевой истории корабля: «А ты знаешь, дух, на какой ты корабль попал? Какая честь тебе оказана?... Это, душара, ракетный крейсер! Первого ранга! «Адмирал Фокин!» Куча дальних походов, боевых служб...» И дух растерянно обводил глазами строительные леса, ржавый «экстерьер» крейсера и понимающе кивал.

Если годки замечали в глазах карася некоторую неуверенность, то они непременно продолжали: «Этот крейсер, сынок, скорость тридцать четыре с половиной узла развивает!...» Новоиспечённый матрос вряд ли понимал много это «тридцать четыре с половиной узла» или мало, но по выражению лиц годков, чувствовал, что «достаточно» и он восхищенно кивал головой и цокал языком: «Мама дорогая, это же почти целых тридцать пять!...»

– То-то и оно! – ухмылялись годки, довольные произведённым эффектом.

Если же «молодой» продолжал проявлять хотя бы тень сомнения, то его непременно выводили на верхнюю палубу, на бак (нос корабля) и, как бы по секрету, сообщали: «Здесь у нас находится ЗИФ-101, зенитно-ракетный комплекс... Он сейчас демонтирован, но когда он здесь был, то... – такая мощь! ...Ни один самолёт даже близко не подлетит!...» А когда карась уставал восхищенно кивать, годки хитро ухмылялись и, подмигивая друг другу, говорили: «А теперь, посмотри-ка налево, сынок.»

Чуть выше того места, где когда-то находился грозный ЗИФ-101, над строительными лесами, величественно возвышались четыре пустые трубы основной ракетной установки – главного оружия корабля. И когда карась стоял, обалдело задрал голову, и хлопал недоумевающими глазами, наступала кульминация: «А вот это, сынок, шестнадцать крылатых ракет с ядерными боеголовками. Одна такая штуковина – десять Хиросим!.. Как долбанёт – целый город в труху!

Эта аллегория напрочь взрывала молодое воображение! Последние сомнения испарялись, как дым. Карась стоял потрясённый, обводя восторженным, совершенно новым взглядом свой родной, заставленный строительными лесами корабль, и ещё в одной молодой душе зарождалась неудержимая гордость за то, что ему так повезло и он попал служить именно на этот мощный, настоящий ракетный крейсер первого ранга «Адмирал Фокин»!.. Под снисходительными взглядами улыбающихся годков рождался новый патриот– фокинец. Время пролетало быстро, и через несколько лет этот бывший дух, а теперь уже закоренелый годок, обходя те же самые строительные леса, выводил на бак новых представителей молодого пополнения и, хитро улыбаясь, говорил: «А теперь посмотри-ка налево, сынок...»

Так уж устроена человеческая природа. Человеку всегда хочется выделиться из толпы, хочется быть лучше окружающих, быть причастным к чему-то славному, героическому, хочется чем-то гордиться. И мы гордились. Гордились, что служим именно на славном ракетном крейсере первого ранга «Адмирал Фокин». Гордились, что мы – фокинцы! И мы писали домой, родным, письма, полные восторженных эпитетов по отношению к своему кораблю. И от этой гордости жить становилось немного легче. И немного легче переносились «все тяготы и лишения воинской службы». Мы скребли от ржавчины борта любимого корабля и с чувством абсолютного превосходства смотрели на проходивших мимо горе-мореманов с других «левых» кораблей...

Все поколения фокинцев, пока продолжался нескончаемый ремонт корабля в «Дальзаводе», мечтали выйти на нём в море. Все надеялись, что вот-вот придёт долгожданный приказ командующего флотом, форсированными темпами закончится затянувшийся ремонт, и они пойдут, наконец, на своём крейсере в дальний поход, рассекая волны экзотических океанов. Для восьми поколений моряков-фокинцев этой мечте так и не довелось сбыться. Им приходилось довольствоваться периодическими командировками на другие «ходовые» корабли, но и

там, на чужих кораблях, они всегда оставались фокинцами, верными патриотами своего крейсера.

* * *

Эта история произошла за год до моего прибытия на корабль, рассказал мне её Роман Фролов.

Командиром крейсера в то время был капитан первого ранга Самофал. Уважаемый командир, отец матросам. Матросы его так и называли – Папа. В 1985 году, после шести лет ремонта, появилась реальная надежда, что осуществится заветная мечта «ремонтно-заводских» поколений фокинцев и весенний призыв 1984 года, выйдет, наконец-то, в море на своём ракетном крейсере. Папа в это верил. А раз верил Папа, верили и матросы.

Однажды утром, во время торжественного подъёма флага, командир Самофал построил на юте экипаж. Как всегда отглаженный, весь с иголки, он медленно обошел строй, придиричиво оглядывая внешний вид вытянувшихся по струнке матросов. Папа одобрительно кивал головой. Матросы старались соответствовать высоким требованиям. Оставшись довольным, Папа откашлялся в кулак и зычным голосом, торжественно объявил:

– Чтобы к выходу в море готовы были и чутье не потеряли, отправляю вас в месячную командировку на «Варяг»! Договорённость с командиром «Варяга» имеется. И смотрите, чтобы всё у меня там было «тип-топ»! Не посрамите родной корабль!

Общему ликованию не было предела: «Вот оно: «К выходу в море»! Дождались!» Вот так, с легкой руки Командира Самофала, двадцать матросов-фокинцев прибыли на гвардейский крейсер «Варяг». Правда, уже через неделю Папа забрал фокинцев обратно: дело в том, что у них с командиром «Варяга» вышел, так сказать, маленький инцидент...

«Варяг» и «Адмирал Фокин» были крейсера близнецы. «Варяг» был назван, как нетрудно догадаться, в честь своего легендарного тезки времён Русско-японской войны 1904–1905 годов, погибшего, но не сдавшегося врагу. Новому «Варягу» по наследству от старого, кроме имени, досталось ещё и гвардейское звание.

Гвардейский экипаж принял «безкорабельных», «ремонтных» фокинцев с чувством полного собственного превосходства. Это выражалось во всём: во взглядах, в поведении, в отношении. И фокинцы ответили им взаимностью. С первых же минут вступления на борт чужого корабля всё вокруг вдруг стало жутко раздражать фокинцев. Раздражало то, что бескозырки у местных моряков были с полосатыми, черно-оранжевыми гвардейскими ленточками. Эти ленточки, они тут же окрестили «ржавыми» и «матрасными». Раздражало то, что на «Варяге», как считали фокинцы, их кормили помоями. Раздражало, что сливочное масло выдавали кружочками, как у «сапогов», то есть у солдат в Армии, а не кусками, как, по их мнению, полагалось выдавать на флоте. Короче говоря, на чужом корабле фокинцев раздражало абсолютно всё.

Назревал конфликт. И конфликт вырвался наружу утром следующего дня, когда весь гвардейский экипаж и двадцать приблудших фокинцев выстроились на юте для церемонии подъема флага. Командир гвардейцев медленно вышел на середину площадки и остановился перед строем, обводя хозяйским взглядом экипаж. На секунду он задержал свой снисходительный взор на обособленной кучке матросов с черными, «не гвардейскими» ленточками на бескозырках.

– Ну-ну, прибыли, значит, – пробормотал он себе под нос. – Посмотрим, посмотрим...

Двадцать пар глаз буравили его в ответ, придиричиво подмечая каждый изъян в форме одежды нового начальства; в строю фокинцев, то и дело перешептывались:

– Гляди-ка, китель как жевал кто-то...

– Ботинки нечищенные.

– Голоса нет.

- Чехол от фуражки год как не стирался...
- Не фуражка – корыто.
- Бакланам её бросить... Чтобы полную насрали...
- Да здесь весь гвардейский экипаж так выглядит!.. «Подъём флага» называется!

Такое расхлябанное отношение к святому ритуалу подъёма флага оскорбило фокинцев до глубины души. Они-то привыкли видеть своих командиров всегда «с иголки», с зычными голосами, а здесь полная ж... Гвардейцы хреновы!..

В первые же минуты построения авторитет командира «Варяга» в глазах фокинцев упал так низко, что достиг дна и начал рыть грунт.

Тем временем командир гвардейцев вразвалочку подошел к флагштоку и, повернувшись лицом к экипажу, натужено произнёс:

- Здравствуйте, товарищи гвардейцы!
- Здравия желаем... товарищ гвардии капитан первого ранга! – вяло, в разнбой загудело со всех сторон.

Только со стороны фокинцев полное молчание – они же не гвардейцы.

Командир-гвардеец побагровел:

– Вымуштруй их! Чтобы как шелковые у меня были! – дал он команду своему помощнику.

После подъёма флага гвардейский экипаж, бросая враждебные взгляды на ершистых чужаков, разошелся. Помощник командира остался на юте один на один с фокинцами тренировать приветствие:

– Здравствуйте, товарищи гвардейцы! – прокричал он, убивая строптивых чужаков взглядом.

Фокинцы, замерев по стойке смирно, молча изучали линию горизонта.

– Здравствуйте, товарищи гвардейцы!!! – с пеной у рта орал в очередной раз помощник командира.

В ответ – полное молчание.

– Товарищ гвардии капитан третьего ранга, мы, вообще-то, не гвардейцы... – слышалась робкая подсказка из глубины строя.

– Не вас меня учить. Запомните! Пункт первый: командир всегда прав. Пункт второй: если командир не прав, то смотри пункт первый... Здравствуйте, товарищи гвардейцы!

Замкнуло его на «гвардейцах», и всё тут. Не свернуть мужика. Так он и здоровался с фокинцами до обеда, а те упорно молчали. Гордости тогда у ребят было выше макушки, что они – фокинцы! Так продолжалось целую неделю, пока не приехал Папа.

Командир-гвардеец тут же доложил ему по существу дела и со всеми подробностями, слюнями и выражениями. Фокинцев выстроили на юте, командир «Варяга» и Папа стоят рядом, плечом к плечу, смотрят.

– Вот, полюбуйся на этих упертых, – командир «Варяга» раздраженно ткнул пальцем в сторону фокинцев.

Папа вышел перед строем. Он хмуро обвел взглядом своих матросов и зычным голосом рявкнул:

– Здравствуйте, товарищи фокинцы!

– Здрав!..жел!!.. тов!!!!.. капитан!!!!.. первого!!!!.. ранга!!!!!! – грянули в ответ двадцать матросских глоток, да так, что чайки с гвардейских мачт попадали.

Влетело, конечно, всем ребятам от Папы по первое число за эту выходку, но в глазах у него светились искорки нескрываемой гордости за своих фокинцев...

* * *

На демарш фокинцев на гвардейском крейсере, несомненно, повлиял один эпизод, случившийся незадолго до скандальной истории с приветствием. За несколько месяцев до злополучной командировки гвардейский крейсер «Варяг» встал ненадолго в «Дальзавод», борт о борт со своим ржавеющим собратом – ракетным крейсером «Адмирал Фокин».

По случаю дня рождения корабля на «Варяге» объявили торжественный подъём флага. На фоне свежевыкрашенного, как новенького, «Варяга» застоявшийся в строительных лесах «Адмирал Фокин» выглядел бедным родственником. К тому же «Варягу» оказали особую честь: на борт в честь дня корабля ожидался сам командующий флотом!

Когда адмирал поднимался по трапу на «Варяг», командир Самофал приказал всем матросам, выстроенным борту «Фокина», развернуться лицом к гвардейскому крейсеру.

Фокинцы замерли по стойке смирно, как положено по флотскому этикету, отдавая дань уважения прибывшему командующему и гвардейскому крейсеру, у которого сегодня был праздник.

– Здравствуйте, товарищи гвардейцы! – приветствовал командующий замерших в строю гвардейцев.

– Здрав!.. жел!.. тов... адмирал! – отрывисто прокричали на «Варяге».

Стоя по стойке смирно, рука у козырька, Папа дождался, пока смолкнет гвардейское приветствие, и в свою очередь поздоровался со своим экипажем.

– Здравствуйте, товарищи фокинцы!

– Здрав! Жел!! Тов!!! Капитан!!!! Первого!!!! Ранга!!!!!! – грянула в ответ сотня глоток, да так, что волна пошла по заливу.

Командующий вздрогнул и недоуменно обернулся: у кого праздник-то, у гвардейцев или на «Фокине»?

Папа Самофал довольно улынулся.

На «Варяге» был праздник. А в праздник на юте всегда поднимался особый большой шелковый флаг, и вдобавок от бака до юта через мачту натягивали цветные сигнальные флаги и флаги расцветивания. А в честь командующего флотом на мачте надлежало поднять ещё и соответствующий должностной флаг – красное полотнище с военно-морским флагом в углу и с тремя белыми звездами.

Командующий произнёс приветственную речь. Гвардейцы прокричали «ура». Прозвучала команда: «Флаг, гюйс, сигнальные флаги и флаги расцветивания – поднять! Равнение на флаг.»

Командующий вскинул руку к козырьку. На «Фокине» тоже поднимали свой флаг, но все взоры были устремлены на праздничный «Варяг». Папа замер, отдавая честь флагу. На гвардейском крейсере поползли вверх сигнальные флаги и флаги расцветивания. Поплыл вверх по флагштоку огромный праздничный шелковый флаг...

Вдруг на «Фокине» охнули: на «Варяге» праздничный военно-морской флаг поднимали...вверх ногами!!! Синей полосой вверх, серпом и молотом вниз! Командующий оторопело стоял с рукой у козырька, отдавая честь перевернутому флагу, и не верил своим глазам... Тут налетевший порыв ветра сорвал сигнальные флаги и флаги расцветивания, и всё гвардейское праздничное убранство, безвольно кружась в воздухе, полетело и запуталось вокруг мачты.

– Блин... гвардейцы..., – процедил сквозь зубы Папа.

Командующий сделал отмашку, козырнув перевернутому флагу, развернулся и, махнув рукой, ушел с гвардейского крейсера. За ним потянулась и вся штабная свита.

Чтобы командующий флотом так уходил с корабля, такого позора мне не припомнить за всю свою службу. На «Варяге» разгневанный командир объявил тогда «оргпериод» на месяц...

Так фокинцы в первый раз утерли нос гвардейцам.

* * *

А устроивший демарш на «Варяге» фокинский призыв весны 1984 в море на своём корабле, так и не вышел. Не суждено было сбыться их мечте. Так и ушло весной 1987 года это последнее заводское поколение фокинцев на дембель из Дальзавода. Я помню, как мы, первогодки, тогда торжественно провожали ребят домой. А уже через несколько месяцев мы на отремонтированном сверкающем, заново рожденном, красавце ракетном крейсере «Адмирал Фокин» вышли из бухты Золотого Рога, чтобы занять место флагманского корабля Камчатской флотилии.

Папа

Ничто так не сбивает человека с мысли, как прямой удар в челюсть.

(Фольклор)

Справка: Кнехт – спаренная чугунная тумба, для набрасывания швартовых концов (канатов)

Сопливчик – черный матросский нашейный галстук – вроде манишки. Надевается под шинель или бушлат.

Сапоги – так на флоте пренебрежительно называли солдат (не моряков). Пошло от того, что матросы служили на корабле в ботинках, а солдаты в сапогах.

Однажды, во время вечернего построения экипажа, Командир корабля Самофал – Папа вывел перед строем Петруху. Петро Ничипоренко, по кличке «Петруха», щуплый, скоромный морячок только что вернулся из отпуска с его родной Украины. Петруха стоял посередине вертолётной площадки, понуро опустив голову. Папа обвёл серьёзным взглядом экипаж и, указав на Петруху, громко объявил:

– Товарищи «Фокинцы», вот гарный хлопек Ничипоренко приехал из отпуска, который он получил за образцовую дисциплину, а в отпускном документе у него замечание от патруля.

Папа прищурившись посмотрел на Петруху:

– Ты ничего не хочешь сказать своему экипажу?

Петруха, убитый общим вниманием, сопел носом, но ничего не отвечал.

– Что молчишь, как воды в рот набрал? Объясни товарищам, за что получил замечание.

– Я в отпуске, был – тихо начал, Петруха, не поднимая головы – Шел, шел, ну а меня «сапоговский» патруль остановил. А я без «сопливчика»... в офицерском кашне был...

Экипаж заулыбался, но сделал это несколько неуверенно, глядя, как Папа сосредоточенно следит за повествованием.

– ...Ну вот, майор меня и останавливает, – продолжил Петруха. – И спрашивает, почему я форму одежды нарушаю и почему у меня нет той штуки, которую матросы обычно на шее под бушлатом носят. А как «сопливчик» называется, начальник патруля вспомнить не мог. Ну, он и спросил меня, как эта штука называется, которой у меня нет, но которая у меня по уставу быть должна. Ну, я и объяснил... – не поднимая головы, тихо сказал Петруха.

Папа прервал его повествование:

– Зачитываю замечание от патруля: «Матрос, шел по улице... без кнехта на шее...»

Взрыв хохота потряс корабль. Некоторое время палуба содрогалась от приступов здорового смеха. Когда ребята немного поуспокоились, Папа обвел строгим взглядом ссутулившуюся фигуру Петрухи и отчетливо произнёс:

– Матрос Ничипоренко, за получение замечания от патруля, находясь в краткосрочном отпуске, объявляю вам 5 суток...

Папа сделал паузу. Экипаж замер, ожидая окончания приговора.

– ...отпуска. За находчивость!

В первый раз за время построения Папа улыбнулся. Петруха поднял голову, и под одобрительный гул экипажа счастливая улыбка осветила его детское конопатое лицо.

Объявить – пять суток отпуска была одна из Папиных фирменных фишечек. И хотя с «пятью сутками» домой, конечно, не съездишь, но, глядишь, ещё «пол-отпуска» заработаешь, и тогда уже можно и в путь собираться...

Распустив экипаж, Папа пошел к себе в каюту переодеваться в рабочую форму одежды. Он любил вечером надеть рабочую матросскую робу, нацепить берет с шитым офицерским крабом и пройтись по кораблю, в особенности по потаённым шхерам: проверить, всё ли в порядке в его обширном корабельном хозяйстве. Ну и доставалось потом офицерам, если недосмотрели, если допустили халтуру при приборке на закрепленном за ними участке. За залёт Папа карал строго. Тогда всем: и матросам, и офицерам доставалось по полной. Особенно все на корабле боялись его коронного наказания – «сто дней без берега». Если кому объявил, то всё – точка, обжалованию не подлежит. В течение ста дней бедолага даже шаг на берег сделать не сможет, даже чтоб мусор вынести.

И если карасям это ещё было туда сюда, они и так особо в город по увольнениям никуда не мотались, то для годков, многие из которых за время службы уже и зазнобами во Владивостоке обзавестись успели, – это было жестокое наказание. Матросы боялись этих «ста дней без берега», как огня. Папа, разумеется, это знал и без дела, направо, налево, этим наказанием не разбрасывался. Папа, вообще, без дела мало что делал, за это его и уважали. Добавлял, впрочем, авторитету и тот факт, что Командир был кандидат в мастера спорта по боксу.

В то время, как Папа начал свою проверку, на верхней палубе, под кормовой ракетной установкой, трое бритых наголо годков-осенников (дембелей осени 1985 года) решили покурить на свежем воздухе и потравить байки. На кораблях установлено строгое правило: когда корабль на ремонте, курить можно только на баке (носу), а когда корабль в море – только на юте (корме). А курить под ракетной установкой нельзя никогда и ни под каким предлогом. Но различных запретов на флоте было много, а годкам, по обыкновению, дела до них было мало.

Стоят годки, курят, поплеывая за борт, головами по сторонам крутят на случай прихвата. А то, глядишь, поймается какой-нибудь залётный карась-бедолага, тогда его можно будет и повоспитывать чуток для профилактики. Но всё вокруг тихо. Скучают годки.

И вдруг один из годков приметил: по другому борту движется невысокая фигурка в берете и матросской робе. Глаза бритоголового вспыхнули в потёмках. Карась, салага, без «добра» прошмыгнуть надумал!

– А ну, карасина, стой! – скомандовал годок.

Расправив могучие плечи, с ехидной улыбочкой, по блатному ловко перемещая хабарик из одного угла рта в другой, бритоголовый годок сделал несколько шагов навстречу вздрогнувшей от неожиданности тёмной фигурке:

– Тебе, салага, кто дал «добро» здесь шляться?!..

– А ну-ка, плыви сюда, тело! – Два других годка тоже поспешили присоединиться к воспитательной процедуре.

Папа от такого неожиданного «здрасте» и от вида надвигающихся на него грозных фигур с огоньками сигарет в зубах на секунду даже растерялся. Он не очень-то привык к подобного рода обращению. Но его растерянность продолжалась не больше секунды. Сообразив, в чем дело, он решил немного подыграть будущим страдальцам. Втянув голову в плечи и наклонив её так, чтобы не было видно шитого офицерского краба на берете, он жалобно промямлил:

– Да я, ребята, так... вас не заметил... добро пройти, ребята?

- Да ты, дух, чё, ващще оборзел?
- Раньше надо было «добро» спрашивать, салага!
- Фанеру к осмотру!

И прежде, чем Папа успел что-либо сообразить, плечистый годок сграбастал его за шиворот и со всей силы двинул ему кулаком в грудь. Раздался глухой звук удара. Папа крикнул от неожиданности и согнулся... Но тут же выпрямился и резко, по-боксерски, отмахнувшись, двинулся на годков:

- Твою мать! А ну иди сюда!

Годки шарахнулись назад. А тот, кто двинул Папе по ребрам, выпучил глаза и пошатнулся.

- Т-товарищ к-командир... – только и смог простонать он, но поперхнулся и осекся.

Папа открыл рот, чтобы обрушить на них весь ужас своего возмездия, но годки, не отдавая себе отчета в том, что делают, развернулись на месте и бросились бежать. Бежать с такой скоростью и с таким безрассудством, как могли бежать только люди, гонимые первобытным животным страхом.

- Стоять!!! – заорал Папа.

Но годки его уже не слышали – в ушах у них свистел ветер. Промчавшись мимо дежурного офицера на юте, они, обгоняя друг друга, куборем скатились по трапу на стенку. У бритоголовой троицы включился инстинкт самосохранения. В головах пульсировала одна единственная мысль – бежать. Бежать от Папы и от неминуемой расплаты.

- Папа рванул за ними, но, овладев собой, остановился перед трапом:

- На корабль! Быстро!.. Это приказ!!!

Годки белели в темноте перекошенными от ужаса лицами, но не двигались с места. Прошла минута, другая... прежде, чем из темноты послышалось неуверенное заикание:

- Т-товарищ капитан п-первого р-р-ранга... я-а... м-мы... не знали...

Два караса на юте с плохо скрываемым удовольствием наблюдали за их душевными страданиями. А из темноты жалобно послышалось:

- Товарищ командир... вы же убьёте...

- Папа немного подумал:

- Не убью. Даже «сто дней без берега» не дам. Поднимайтесь, поговорим...

Тройка беглецов, вежливо уступая друг другу дорогу, медленно, на полусогнутых, поплелась обратно на борт.

О чем Папа на юте говорил по душам с проштрафившимися годками, никто точно не знает. Но известно то, что Папа сдержал слово и «сто дней без берега» не объявил и не убил. Он их даже на кичу не отправил... Известно также то, что после этого разговора вся троица ходила по кораблю как шёлковая до самого дембеля...

* * *

Когда Петруха уходил с корабля на дембель – при оформлении дембельских документов выяснилось, что в его военном билете нет отметки о присяге! Матрос служил три года без присяги! То есть служил, будучи гражданским! Петруха был «сорокапятисуточник» попал на корабль, минуя учебку. А там, где он полтора месяца проходил ускоренную подготовку, когда всех молодых повели на присягу, он был в наряде, и про него попросту забыли! Он мог в любой момент свалить со службы домой, и никто не мог привлечь его за это к ответственности. Он ведь не говорил слова присяги: – «Пусть меня постигнет суровая кара Советского закона...» Чтобы соблюсти формальности, Петруха, стоя у флагштока, зачитал по книжке текст присяги, расписался в журнале и на следующий день сошел с корабля на дембель.

В конце того же 1985 года Командир Самофал-Папа перевёлся с нашего корабля на другое место службы; куда, называли опять-таки разное... Последнее, что я слышал: контр-адмирал Самофал А. А. служил начальником Дальневосточного регионального центра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Потомки легендарных комиссаров

Чем отличается командир от замполита? Командир говорит: «Делай, как Я!», а Замполит говорит: «Делай, как Я говорю!»
(Фольклор)

На корабле по обкатанной советской системе существовали две власти: строевая и партийная, вторая надзидала за первой. Строевые офицеры в большинстве своем работяги, профессионалы своего дела: они обеспечивали навигацию, связь, стрельбы, работу разнообразных частей и механизмов, на них держался корабль. Главный среди них – командир корабля.

Политические офицеры, в отличие от строевых, – люди труда умственного, то есть по определению руками ничего не делали. Все их материальной части, только язык, карта да указка. Этот маленький недостаток политработники, однако, с гаком компенсировали служебным рвением и беззаветной преданностью политике партии и родного советского правительства. Задача политруков была надзирать за уровнем политической благонадежности экипажа.

Почти на каждого строевого офицера, чтобы не расслаблялись, приходилось по одному такому политработнику. На нашем корабле главным среди этих столпов коммунизма местного масштаба был заместитель командира корабля по политической части – Большой Зам. В команде Большого Зама числились комсорг, пропагандист и «маленькие замы». Маленькие замы служили наместниками Большого в боевых частях, комсорг председательствовал на комсомольских собраниях, а вот чем занимался пропагандист, я сказать не могу, не знаю, да и он сам, по-моему, толком не разобрался. За всю свою службу я только однажды был вызван в каюту пропагандиста. Капитан-лейтенант вежливо встретил меня, усадил и задал пару вопросов:

- Хобби какое-нибудь у тебя на гражданке было, – в конце поинтересовался он.
- Старинные монеты собирал.

«Замкнут, индивидуалист, любит деньги», – записал пропагандист результат психологического анализа в свою в тетрадь...

Роль «маленьких замы» в жизни корабля была более заметна. Они прилежно собирали в своих сейфах компромат на всех «неблагонадежных элементов» во вверенных им боевых частях. Этим компроматом они с удовольствием делились и с Большим Замом, и с «особистом», который периодически навещался к нам на корабль, а также с успехом использовали для вербовки своих стукачей-информаторов. Также, «маленькие замы» часто выступали в роли массовиков-затейников. Организовывали соревнования по домино или по перетягиванию каната. А, однажды, пока наш корабль стоял в «Дальзаводе», случилось и такое, что один замполит БЧ-7 даже повел матросов в соседнюю среднюю школу учиться танцевать менуэт.

Настоящей страстью Большого Зама были еженедельные субботние политзанятия. И были они его страстью совсем не потому, что Большой Зам по субботам особенно свято верил в идеалы коммунизма. Шел конец восьмидесятых, и уже мало кто из самих замполитов верил в эту идейную ахинею. Дело в том, что один раз в неделю, с утра и до обеда каждой субботы, когда весь экипаж корабля, разодетый в парадную форму рассаживался по кубрикам для проведения политзанятий, корабль замирал, и на нём наступало «Время Большого Зама». В это время он становился единоличным и полновластным хозяином корабля. Никто – ни матросы, ни офицеры, ни одна крыса – не могли без его разрешения сделать хоть один несанкционированный шаг.

В стране шло время горбачёвской «перестройки», а мы после вахт и недосыпов, с трудом преодолевая сон, послушно сидели в тесных и душных кубриках и, прея в парадной форме, слушали, как наши корабельные замполиты под зорким присмотром Большого Зама несут свой обязательный, политически выверенный бред. Их на это учили, они за это получали зарплату, и они делать кроме этого ничего не умели.

Мы сидели и, кивая проваливающимися в мимолетный сон, головами рисовали в наших конспектах «диаграммы сна». Я до сих пор помню, как с удивлением обнаружил, что каждая из выведенных мной на листе конспекта заглавных букв слова КПСС к концу политзанятий напоминала страшного волосатого паука с множеством тонких маленьких лапок. Шариковая ручка, рисовавшая очередную из этих лапок, съехала тогда у меня с листа бумаги, и я проснулся...

Единственной в СССР кузницей профессиональных кадров флотских политработников было Киевское высшее военно-морское политическое училище (Киевское ВВМПУ). Расположение вдали от моря не мешало ему, однако, готовить... (цитирую из официальной брошюры этого славного учебного заведения):

«...полноценных полпредов партии на флотах, проводящих большую партийно-политическую работу в экипажах и подразделениях по коммунистическому воспитанию личного состава».

«Выпускники этого училища находились на самом переднем крае борьбы за проведение в жизнь политики Коммунистической партии», и делали они своё дело ... с подлинно партийной страстностью».

Это точно. Одно такое проявление партийной страстности на переднем крае борьбы, произошло на нашем корабле во время аварийной ситуации. В мачте, в одном из постов связи БЧ-7, произошло возгорание электропроводки. По аварийной тревоге аварийно-спасательная группа выстроилась, в узком задымленном проходе перед дверью, из-под которой вместе с дымом распространялся едкий запах горелой электроизоляции. Ребята стояли, как учили, в защитных костюмах и специальных шлемах с красными углекислотными огнетушителями ОУ-5, специально предназначенными для тушения горячей электропроводки.

Вдруг раздался шум. Расталкивая локтями ребят из аварийной команды на передний край борьбы с огнём, протискивался, белея парадной фуражкой, Большой Зам. Тяжело дыша и не видя перед собой ничего, кроме конечной цели, он рвался вперёд крепко сжимая пальцами пенный щелочной огнетушитель. Ребята из аварийной команды оторопели – на боку огнетушителя, с которым замполит шел наперевес, как в штыковую атаку, четко виднелась надпись: «Не применять для тушения электросети, находящейся под напряжением!». Тушить водным раствором щелочи возгорание электропроводки – это всё равно, что писать на оголенный провод. Время на раздумье не оставалось. Чтобы поджарить себя и ребят, Большому Заму оставалось несколько шагов. Один из годков аварийно-спасательной команды среагировал инстинктивно и быстро. Глухой удар огнетушителем ОУ-5 пришелся Большому Заму четко в кокарду парадной фуражки. Замполит выронил своё орудие массового уничтожения, охнул и сел на палубу. Ребята оттеснили его, окружив плотным кольцом и в несколько минут справились с пожаром.

Прикрывая фуражкой с погнутой кокардой, здоровенную шишку на лбу, Большой Зам долго потом пытался определить своего обидчика. Не получилось. А один из строевых офицеров ему тогда посоветовал: «Ты бы вместо того, чтобы наказать бойца, лучше бы медаль ему дал: он же тебе жизнь спас...»

Не могу удержаться, чтобы не привести ещё несколько цитат из брошюры Киевского ВВМПУ:

«В отличие от других военно-морских училищ, кроме марксизма-ленинизма, в Киевском ВВМПУ обучали ещё марксистско-ленинской философии, истории КПСС, научному коммунизму, политической экономии, партийно-политической работе, военной педагогике и психологии».

«Выполняя указания XXVI съезда КПСС, требования и постановления ЦК КПСС», училище готовило «для славного Военно-Морского Флота настоящих бойцов партии, достойных бессмертной славы легендарных комиссаров».

Можно только представить себе, какой урон, неокрепшей психике молодого матроса, мог нанести один такой преданный «боец», прошедший горнила Киевского Военполита, вооруженный марксистско-ленинской, научно-коммунистической идеологией, вперемешку с передовыми методами психологической обработки!

Ну, что мне ещё можно добавить к этому яркому, красочному описанию, почти дословно цитирующему выдержки из официальных брошюр этого учебного заведения. Пожалуй, только ещё одну цитату:

«Десятки питомцев училища за успехи в службе награждены орденами и медалями СССР и РФ. Многим досрочно присвоены очередные воинские звания»...

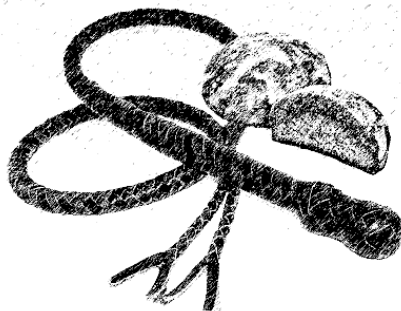
Всё это тоже чистая правда. На флоте хорошо знали, что у этой своеобразной касты трутней, у которых «за все душа болит», но которые ни за что не отвечают, всегда были самые блестящие перспективы продвижения по службе. Если корабль успешно выполнял боевую задачу, то одновременно со строевыми командирами, непосредственно участвовавшими в выполнении задачи, замполиты тоже получали равнозначные по уровню правительственные награды.

Но, в семье не без урода! Попадались и среди политработников, выпадавшие из общей массы распределителей благ и вершителей судеб, отдельные нормальные люди. Но они у нас на корабле надолго не задерживались... К счастью, Российский Флот, как море, имеет способность самоочищаться, выбрасывать из себя на берег, всё лишнее и ненужное. В 1991 году институт «замполитов» в армии и на флоте упразднили за ненадобностью вместе с Главным политическим управлением Советской армии и Военно-Морского флота. Замполитов на флоте не стало, а корабли продолжают ходить в море и успешно выполнять поставленные задачи.

Большой Зам

Если некоторых людей смешать с дерьмом, то получится однородная масса.
(Правда)

Вы не люди. Вы матросы.
(Большой Зам)

Капитан третьего ранга Пал Палыч Сорокопут появился на стоящем в заводе крейсере «Адмирал Фокин» в 1985 году. Он пришел на должность «Большого Замы» – Заместителя командира корабля по политической части, на смену прежнего замполита переведенного в штаб флота.

Командир корабля Самофал (он же Папа) в то время был на сходе, и нового политического лидера представлял старший помощник командира корабля. Старпом был офицер справедливый до мозга костей, безобидный, мягкий, с нескладной, невоенной фигурой, на моей памяти мухи не обидел, голоса не повысил. Но, флот – это не «гражданка», здесь быть мягким, нескладным и без последствий непросто, вот он и получил от экипажа кличку «Олень».

В этот знаменательный день Олень собрал экипаж на юте. Перед моряками с ракетного крейсера «Адмирал Фокин» в первый раз предстала поигрывающая жирком довольная физиономия Паши Сорокопута. Новый Большой Зам стоял, самодовольно улыбаясь, чувствуя себя полноправным хозяином положения. Он оценивающе, как рентгеном, сканировал своим цепким прищуренным взглядом выстроившийся перед ним экипаж, намечая фронт предстоящих работ.

После представления старпома, Большой Зам взял слово. Он вышел перед строем и произнес речь. Из его речи мы поняли, что Родину, нашу мать, мы теперь любить будем больше и чаще. В конце своего монолога Паша Сорокопут сделал многозначительную паузу, пристально обвёл глазами замерший в строю экипаж и отчетливо, делая ударение на каждом слове, произнёс:

– Запомните: вы не люди! Вы матросы!

В наступившей тишине было только слышно, как кричат бакланы. На выдавшем виды славном крейсере тогда впервые прозвучала эта фраза, предопределившая положение вещей, то отношение, которое установилось между Большим Замом и рядовыми членами экипажа на долгие годы его правления. Экипаж стоял, переваривая эту новость. Не привыкшая к такому обращению команда поглядывала на старпома, ища поддержки, но Олень молчал. Единственный, кто мог одернуть и поставить на место Большого Замы, был Командир Самофал, но Папа был на сходе.

Экипаж тогда ещё не понимал всей значимости этого события, а ведь именно в этот день начинался новый период в жизни корабля. Вскоре после этой знаменитой речи Большого Замы

командира Самофала перевели на другое место службы. Командиром крейсера вместо Папы стал Олень. Мягкость характера нашего нового командира не позволяла ему держать в узде властолюбивого «серого кардинала» и тот, чувствуя себя хозяином, лишь лениво имитировал субординацию. На ракетном крейсере «Адмирал Фокин» начиналась новая эпоха отношений, где мы, матросы, уже перестали быть людьми. Началась эпоха Большого Зама.

Паша Сорокопут освоился быстро. Его деятельная натура взялась за любимое дело с утроенной энергией. Перво-наперво, чтобы, как говорится, держать руку на пульсе, он установил разветвленную сеть стукачей. Заставить матросов стучать на своих же товарищей с риском, как минимум, для собственного здоровья было задачей сверхсложной, но Пал Палыч справился с ней «на отлично». Тут-то и пригодились все навыки, полученные им в Киевском «Военполите».

Для начала в ход пошел весь компромат, услужливо извлеченный маленькими замами из своих каютных сейфов. Не гнушался Паша и проверкой содержания матросской почты. Благо, корабельный почтальон, сделанный Большим Замом коммунистом, главным корабельным старшиной и по совместительству приборщиком его каюты, был свой человек.

Не забуду, как у меня затряслись поджилки, когда вечером по корабельной трансляции передали: «Матросу Федотову прибыть в каюту Заместителя командира корабля по политической части.»

– Вызывали, товарищ капитан 3-го ранга? – робко спросил я, просовывая голову в каюту замполита.

– А, Федотов, проходи, проходи. Зачем же так официально. Можно – Пал Палыч, без чинов и лишних формальностей.

– Есть, товарищ капитан 3 ранга!

Большой Зам поморщился.

– Вот тут тебе, сынок, письмо пришло из дома. Странненькое такое. – Большой Зам пощупал своими мясистыми пальцами потрепанный белый конверт, на котором рукой моей тётки Леры было аккуратно выведено: г. Владивосток, ВЧ-51288, Федотову Александру.

Я знал, что тётка Лера иногда пересылала мне письма одной моей знакомой девушки, с которой я познакомился за год до службы, будучи в гостях у тётки, в её маленькой питерской квартирке. И всё бы хорошо, если бы не одна маленькая деталь: эта девушка была студенткой из США, логова нашего вероятного противника.

Я почувствовал слабость в коленях.

– Раскрой, пожалуйста, – улыбаясь одними губами, тихо сказал Большой Зам и протянул мне конверт.

Я попытался вскрыть конверт, но руки тряслись и не слушались.

– Успокойся, успокойся, сынок, – Большой Зам ласково положил свою влажную ладонь мне на плечо. Его цепкий, холодный взгляд, не отрываясь, следил за конвертом – Давай-ка посмотрим, что там внутри...

Я раскрыл, наконец, конверт и дрожащими руками высыпал на стол, перед Большим Замом всё его скудное содержимое. Из конверта выпал сложенный вчетверо листок клетчатой тетрадной бумаги, исписанный знакомым тёткиным почерком. Внутри листка виднелся маленький прямоугольный вкладыш. Сердце моё замерло. Большой Зам рванулся вперёд и ловко вытащив вкладыш, поднес его к своим колючим глазам. Это был маленький карманный календарик на новый 1987 год.

– А-а-а... ну вот, это я и хотел посмотреть...

Большой Зам, бросил календарик обратно на стол. Ему стоило больших трудов скрывать своё разочарование.

Моё сердце снова пошло. Я выдохнул и, быстро забрав со стола содержимое конверта, на ватных ногах поплёлся обратно в кубрик. На этот раз пронесло...

Но мелкие неудачи не могли остановить Большого Зама. Случались и победы – большие и маленькие. Дело его спорилось, и вскоре он уже собрал обширную картотеку компромата на большинство членов своего экипажа. В своей работе Паша мастерски использовал два своих любимых метода: «кнут и пряник» и «разделяй и властвуй». Как кнут в ход шли все подсмотренные, подслушанные маленькие человеческие слабости, пороки, ошибки, аккуратно собранные в личное «досье».

– Или, сынок, твои друзья об этом узнают, или помоги мне с некоторой информацией... – ласково говорил Зам, усаживая у себя в каюте новую жертву и выкладывая перед ним на стол «интересные» материалы из досье.

Как пряник Паша обещал исполнение всех, даже самых заветных желаний, в зависимости от ситуации. Заботаешься о карьере после службы? Посоветую в партию, чтобы потом на гражданке карьерный рост и открытая дорога в светлое будущее. Девушка грозится бросить? Внеочередной отпуск домой! Хочется в увольнение, в город? Пожалуйста, завтра же! Хочешь во время службы зарплату по максимуму и домой с лычками главного корабельного старшины? Без проблем! Всё обещал, всё мог несильный Паша Сорокопут, но не дай бог, кому дать слабину и попасться на этот его, мастерски закинутый крючок. Хватка у Большого Зама была железная. Один раз, дал слабину – всё, с крючка уже не соскочишь. Большой Зам берег свои кадры, заботился о них. Они были его глаза и уши в кубриках и на боевых постах. Конспирация тут у него была полная, как у Штирлица.

Основной сбор оперативной информации Большой Зам вел через приоткрытый иллюминатор своей каюты, стратегически расположенной в укромном месте, в узком проходе, на верхней палубе по левому борту. Вроде просто идет мимо, прогуливается матросик. Хоп! – одно незаметное движение и записка уже у Большого Зама. И уже потянулись его щупальца к горлу очередной жертвы. Цель у Большого Зама всегда оправдывала средства. Он как миловал за тайное пособничество, так и казнил за явный отказ. А в гневе он был страшен. Одним из излюбленных методов Большого Зама были одиночные, доверительные собеседования. Каждый новоприбывший матрос проходил через такое испытание беседой «один на один» с Пашей Сорокопутом.

Не избежал её и Роман Фролов. Большой Зам вызвал его на собеседование одним из первых, как только узнал из предоставленного бывшим замполитом досье, что Роман является не кем иным, а внучатым племянником самого адмирала Фокина. Того самого бывшего Командующего всем Тихоокеанским Флотом, чьим именем был назван наш славный корабль.

– Вызывали, товарищ капитан 3 ранга? – приоткрыл дверь каюты Замполита Роман.

– А, как же! Заходи, заходи, сынок! – лоснящееся от пота лицо Зама выражало одновременно ласку и полное радушие. – Садись, вот здесь поудобнее... Чайку хочешь? Наслышан, наслышан о твоём родстве. Очень рад. Продолжение славной флотской династии. Очень, очень хорошо...

Роман сидел и, улыбаясь в ответ, внимательно слушал Замполита: «Говори, говори», – думал он про себя.

Поговорив ещё немного об адмирале Фокине, о его славном, героическом прошлом и о том, как Рома похож на своего деда, Большой Зам плавно перешел от слов к делу – главной цели этой беседы.

– Ну что, сынок, в отпуск-то к родственникам на свой день рождения хочешь, небось? – он дружески похлопал Рому по плечу.

– Неплохо бы, – улыбнулся Рома.

– А главным корабельным старшиной домой явиться? То-то девушки будут заглядываться!..

– Кто ж главным корабельным не хочет-то?.. Конечно, хочу! – включил дурака Рома, думая про себя: «Мягко стелет, жестко спать будет».

– Ну, вот и отлично, сынок. Всё в наших руках, – и Большой Зам продемонстрировал Роману свои вечно влажные потные ладони.

Большой Зам придвинулся поближе. Матрос и Замполит сидели близко, друг напротив друга. Роман чувствовал на себе его тёплое, прелое дыхание. Наживка была закинута. Зам медленно и осторожно потянул на себя.

– Я вижу, что ты ответственный матрос. Тебе можно доверять. Твой дед мог бы тобой гордиться. Тут такое дело, сынок, на корабле, сам видишь, порядка нет. По кубрикам черт те что творится. Мне нужна твоя помощь, Рома, чтобы остановить этот бардак, который творится на корабле...

Большой Зам говорил, а Рома сидел, кивал, думая, только о том, как ему из этой ситуации теперь выпутываться. Большой Зам ведь так просто не отпустит.

– Ты же с экипажем общаешься, всё знаешь, так вот мне и нужна от тебя информация о разных хулиганах, нарушениях, о том, что творится на боевых постах, – начал потихоньку подсекать добычу Большой Зам.

– ...Я не понял, товарищ капитан 3-го ранга...

– Ну, Рома – «Пал Палыч», – ласково поправил его Большой Зам

– ...Я не понял, Пал Палыч, вы меня что, стучать просите?

Зам поморщился – добыча уходила, но лицо его выражало только грусть и отеческую заботу.

– Рома, ну брось ты, честное слово, это нехорошее выражение – «стучать». Здесь никто никого сту-чать не просит. Не стучать, Рома, а ин-фор-ми-ро-вать. ...Информировать, понимаешь? Это большая разница. Мне нужна твоя помощь, чтобы на корабле, который именем твоего деда назван, навести элементарный порядок. Поможешь мне, сынок?

Рома сделал невнятное движение головой. И Большой Зам не смог сразу расшифровать этот неоднозначный ответ.

– Ну? Поможешь? – подсекал Замполит.

Рома вилял, как мог, уклоняясь от прямого ответа. Ещё минут пять Большой Зам тянул на себя, но уже понимал, что на этот раз не получится – сорвалась добыча.

– Ну, ладно, – раздраженно сказал Большой Зам, кидая на стол авторучку. – Ты иди, подумай, завтра поговорим. – и он встал, давая понять, что на сегодня разговор окончен.

– Подумаю, тащ... капитан 3-го ранга!

Рома открыл дверь и сделал шаг в коридор. Придерживая, но не закрывая до конца дверь в каюту, он оглянулся по сторонам. Коридор был пуст. Извечного посыльного Командира не было на месте. Рома на секунду замешкался. Он стоял, что-то обдумывая, соображая. Через мгновение, он решительно приоткрыл дверь и просунул голову в каюту Большого Зама.

– Товарищ капитан 3-го ранга, разрешите обратиться?

Успевший сесть Большой Зам привстал. В его глазах вспыхнули огоньки надежды.

– Конечно, конечно, Рома, обращайся. Ты уже подумал?..

– Товарищ капитан 3-го ранга, идите вы на х**!..

Быстро захлопнув дверь, Рома бросился бегом по коридору подальше от Замполитовской каюты.

– Сгною-ю!!! – нёсся ему вслед рёв Паши Сорокопута.

С этого момента про Рому и Большого Зама можно было сказать словами Саида из фильма «Белое солнце пустыни»: они не любят друг друга. Начались репрессии. Из «блатной» команды медиков внучатого племянника адмирала Фокина перевели в считавшуюся самой грязной и тяжелой, (а на деле в самую дружную) электромеханическую боевую часть пять (БЧ-5). Ему зарубили рапорт о поступлении в Ленинградскую Военно-Медицинскую академию им. Кирова, разжаловали из старшин в матросы. За последний год службы Большой Зам объявил Роману в совокупности 3 месяца и 9 дней ареста. Большой Зам держал обещание –

«гноил», как мог. Он без сомнения сделал бы много больше, но сработал инстинкт самосохранения. Он всё же опасался: как-никак, а родственник бывшего командующего флотом. Именем его деда корабль назван.

* * *

Осенью 1987 года к нам во Владивосток в нашу военно-морскую базу, приехал известный петербургский бард Александр Розенбаум! В начале семидесятых во время учебы в Первом медицинском институте Розенбаум сам стажировался на кораблях Тихоокеанского флота. Вот и решил дать концерт специально для нас, моряков тихоокеанцев, прямо с юта одного из стоявших у стенки (причала) военных кораблей. В нашей, замкнутой в ограниченном пространстве корабля казённой жизни, где, в смысле музыки, кроме строевых песен, запрещено было всё: и магнитофоны, и гитары, и музыкальные телепрограммы, приезд Розенбаума был Событием с большой буквы.

Как нам всем хотелось быть на этом концерте! И Большой Зам это отлично понимал. Он построил экипаж и со своей, вечно прищуренной улыбочкой медленно ходил вдоль строя, собственноручно отбирая горстку избранных, достойных сойти на стенку и подойти к стоявшему в трехстах метрах от нас кораблю-счастливчику. В первый и последний раз за время моей службы к нам в базу, специально для моряков, с концертом приехал исполнитель такого масштаба. Розенбаум пел, а перед ним на стенке стояла всего лишь кучка, человек пятьдесят, – «отличников боевой и политической подготовки», собранных замполитами с разных кораблей. А мы, не отобранные Большими Замами, стояли на своих кораблях и, опершись на леера (поручни) тянули шеи, пытаясь уловить хоть какие-то обрывки слов, доносящихся издали любимых песен... Это было Пашино «разделяй и властвуй» в действии. Тогда после концерта наш Большой Зам пригласил Розенбаума к нам на корабль и, угощая его в офицерской кают-компании, попросил написать для корабля строевую песню. Александр Яковлевич отказался.

* * *

Последнее, что я слышал о Большом Заме, это то, что он, продолжая традиции легендарных комиссаров, работал военным комиссаром в городском военкомате одного маленького городка – отвечал за призыв молодого пополнения. Говорили также, что один раз он даже пытался пройти в депутаты местного законодательного собрания, к счастью для местных жителей – безуспешно.

Как у «оленя» шило увели

Только русский человек услышав слово «пол-литра» не станет спрашивать – «пол-литра чего?»
(Правда)

***Справка:** Издавна на флоте спирт носит странное жаргонное название – «шило». Когда-то, еще на парусном флоте, водку, по чарке которой непременно наливали матросам перед обедом (кто не пил – тому к жалованью каждый день пятак добавляли), хранили в кожаных бурдюках. Завязки как-то там особо печатавались, чтоб было видно, если кто покусит на святое. Так вот самые ушлые матросы наловчились бурдюки шилом прокалывать. Добытое таким образом спиртное называлось «шилльным» или «шиллом». Источник: Военно-морской жаргон, Должиков С., № 9, 2002, с. 23.*

Эта история произошла до моего прибытия на корабль, когда Олень ходил ещё в старпомах. На флоте со спиртным было туго. Выпивать доводилось не часто, так что и выбирать особо не приходилось, пили, что подворачивалось по случаю – от браги до концентрированной укропной эссенции: лишь бы эффект был. Эту эссенцию нам на камбузе по несколько капель в котел с супом добавляли – для привкуса витаминов. Как вспомню запах этого укропного концентрата у себя в стакане, до сих пор выворачивает. Особым почетом на корабле пользовался коктейль «Александр Третий»: две части одеколона «Тройной» и одна часть одеколона «Саша». О «шילה» даже не думали: о-о-очень редкий деликатес.

Однажды в кубрик, где годки расположились на отдых, ворвался запыхавшийся посыльный командира корабля, рябой полторашиник по кличке Слон, и слил информацию:

– Ребята, Олень приволок в свою каюту две трёхлитровые банки «шила»!

– Врешь?!

– Ну, падла буду! Спрятал их в сейф у себя в каюте, а сам свинтил на сход..., – с трудом переводя дыхание, выпалил Слон.

– Браты, поднапрягите мозги – нельзя это упустить, – привстал с рундука годок Сиплый. Его голос заметно дрожал от волнения, – Куда одному Оленю шесть литров!?

Кореш Сиплого, Пашин спрыгнул со шконки и сформулировал задачу:

– Короче, ребята, задача не из лёгких: как можно из находящегося в запертой каюте старпома, закрытого, опечатанного, привинченного к палубе сейфа добыть шесть литров «шила» и, главное, сделать это так, чтобы Олень абсолютно ничего не заподозрил?

Задача на первый взгляд невыполнимая. Но в кубрике на совет собрались в тот день не малые дети, а годки флота российского. А когда речь идёт о «шילה», для матроса нет ничего невозможного. Но у Оленя шило не в кожаных бурдюках хранилось. Тут по старинке не спра-

вишься. Мозговой штурм бушевал час. А когда наступила тишина, план был готов и операция по отделению «шила» от Оленя началась. Время поджимало. Олень должен был вернуться часа через три.

По всем коридорам на подступах к каюте на стрёме расставили карасей – сигнальщиков. Крыса не проскользнёт, не то что офицер. Сиплый с Пашиным, незамеченными, под прикрытием карасей, пробрались по офицерскому коридору к заветной каюте. Пашин отработанным движением вставил в замочную скважину загнутый электрод. Раздался шелчок: вход в каюту был свободен! Аккуратно закрыв за собой дверь, годки огляделись по сторонам. Сейф стоял у левой переборки, закрыт, опечатан и намертво прикручен к палубе. Сиплый внимательно оглядел его и выглянул в коридор.

– Ну? Как? – шёпотом спросил годок, дежуривший около двери каюты.

– Пока никак... Давай ключ на 22 и обрез (таз). Да, и ещё: там гайки палубной краской покрашены, скажи карасям, чтобы ещё чуток краски родили... Только быстро...

Ключ на 22 и обрез принесли через полминуты, чуть позже краску. Сиплый работал ключом усердно. Тяжело сопя, он, высунув язык, с трудом проворачивал прикипевшие, замазанные краской гайки. Прошло долгих десять минут, прежде чем он открутил, наконец, все четыре.

– Вроде бы всё, – перевёл дыхание Сиплый.

Годки, тяжело пытая, приподняли сейф и аккуратно, стараясь не повредить печать, встряхнули. Раздался жалкий звон разбитого стекла. В нос ударил до боли знакомый запах.

– Не обманул Слоняра! – ухмыльнулся Пашин.

Сейф осторожно наклонили, и из щели между дверцей и корпусом, потекло тоненьким ручейком драгоценное «шило» в предусмотрительно подставленный обрез.

– Точно шесть литров! – улыбнулся Сиплый, вместе с Пашиным устанавливая на место полегчавший сейф. – Теперь гулять можно.

Дальше было дело техники: сейф прикрутили гайками, мазнули краской пошкарбанную резьбу, закрыли дверь каюты, электродом защёлкнули замок... Теперь можно расслабиться и гульнуть.

Старпом потом долго сокрушался: в заводе стоим, в море не ходим, шторма нет, как же банки в сейфе разбились?! Короче говоря, он так и не въехал, в чём дело. Олень, одним словом...!

* * *

На большом противолодочном корабле «Маршал Ворошилов», где служил мой друг Дима Голиков, с «шиллом» тоже история вышла. Во время боевого похода к ним на корабль погрузили двухсотлитровую бочку с «шиллом». Командир корабля, конечно, понимал, что это, всё равно, что ягнёнка в стаю к волкам кинуть. Пока до этой бочки кто-нибудь доберётся, лишь дело времени. Но по правилам, эта жидкость положена для бачка-омывателя лобового стекла вертолётки и для протирки контактов. Значит: грузи и охраняй.

Легко сказать: охраняй! А как? Бочку к себе в каюту не поставишь, а в любом другом месте доберутся ведь сволочи. Думали всем офицерским составом и придумали: хранить бочку в вентиляционном отсеке, что в офицерском коридоре, отсек закрыть на всякий замок и опечатать, а у двери поставить часового, чтоб головой отвечал, если что. Так и сделали. Куда ещё надёжней?

Часовой стоит. Печать висит. Но, через неделю Командир нюхом учуял что-то неладное. Решили на всякий случай проверить. Отодвинули часового, вскрыли печать, открыли вентиляшку, а бочка пустая – ни капли «шила». Начали расследовать и только после долгих поисков, на дне бочки обнаружили маленькую такую дырочку. Её, дырочку, как оказалось, снизу, через палубу, просверлили... Значит правду говорят: «шила» на корабле не утаишь.

Крысиный король

*Не надо мне в рапорте писать: Дорогому товарищу капитану 3-го ранга. Пишите просто: Пал Пальчу.
(Большой Зам)*

Большой Зам матросов за людей не считал, и матросы, в ответ, со свойственной им изобретательностью не упускали случая досадить своему политическому лидеру. Благо до дембеля время есть, а молодая здоровая фантазия неиссякаема. И один такой случай вскоре представился.

Однажды от вездесущего посыльного командира корабля стало известно, что у грозного Большого Зама Паши Сорокопута была одна маленькая слабость: он боялся крыс. Он их боялся в любом виде, даже мёртвых, но особенно Большой Зам боялся крыс живых. Этих серых шевелящих своими гладкими шелушистыми, как змеи, хвостами крыс он не просто боялся, он их боялся панически, до поросычьего визга. К его несчастью этих серых грызунов на стоящем в заводе крейсере шмыгало по кабель-трассам в превеликом множестве. А корабельные крысы – это порода особая. Заводские кошки почтительно обходили их стороной, а некоторые «экземпляры», достигали таких жирных и внушительных размеров, что сами, при желании, вполне могли бы за этими кошками охотиться.

Как только экипажу стало известно об этой маленькой слабости «любимого» Замполита, матросы тут же собрались на совет и стали разрабатывать план «диверсии». Вместе с Ромой, по кличке Краб, в этом мероприятии принимала участие легендарная, в корабельных масштабах, личность – Шура Тагнер, по кличке Танк.

Призывавшийся из Ульяновска плечистый здоровяк Шура поставил себя так, что даже будучи полторашкой, пользовался авторитетом и статусом наравне с самыми крутыми годками. Но Танк никогда не издевался над полностью зависящими от него карасями и без дела ни разу никого не ударил. В отличие от Большого Зама, Шура считал тех, над кем у него была абсолютная власть, людьми, и относился к ним по-человечески. Он был Личность с большой буквы и, в отличие от Большого Зама, его уважали.

Разработка плана продолжалась около часа. После непрерывного «мозгового штурма», родился на свет легендарный план, получивший в корабельной истории кодовое название «Крысиный король». Для осуществления задуманного требовалось четыре вещи: хомут стальной – одна штука и крысы живые – три штуки. Хомут нашли быстро. С «крысами живыми» было сложнее. Во-первых, поймать их непросто. Во-вторых, практическую монополию на ловлю крыс держали узбеки. Главный среди узбеков-крысоловов был однопризывник Романа и Шуры – Хасан Мерзаев. Крысы, вернее, крысиные хвосты ценились у него на вес золота. Пойманных крыс Хасан тут же убивал, а отрубленные хвосты нес к медику в зачет своего «крысиного» отпуска. Добирал до сотни.

Но месть Большому Заму – дело святое, и Шура Танк вступил в переговоры с Хасаном. Договор предлагался простой: мы тебе, Хасан, три крысиных хвоста из своих записок, а ты нам

трёх живых крыс. Танк был личность уважаемая, но, когда дело касалось крысиных хвостов, Хасан превращался в камень. Переговоры шли долго и трудно. Хасан был неумолим: «Живой, крыс сложно, слюшай. Дай сэнь.»

Сошлись на пяти хвостах. И Хасан пообещал в кратчайший срок выполнить заказ. У этого спецзаказа было два неперемных условия: первое – крысы должны быть обязательно живыми и второе – это должны быть монстры!

С этого момента все имеющиеся на ракетном крейсере «Адмирал Фокин» крысоловки и все Хасановские карасы (плюс сам Хасан) стали работать на выполнение спецзаказа. Танк и Краб безжалостно браковали приносимые узбеками «образцы». Наконец, к концу недели всё было готово. Хасан оказался мастером своего дела. В железном ящике металась и билась о стенки, оставляя вмятины, три отборных крысиных мутанта! Открывать этот ящик без страховки опасался даже бесстрашный Шура Танк.

Теперь оставалось ждать, чтобы Большой Зам ушел на кратковременный сход. И такой момент настал. Присланный от дежурного на юте карась сообщил, что Большой Зам на сходе и ожидается не раньше чем через три часа. Предстоял самый сложный в техническом отношении этап – концы хвостов трёх огромных живых крыс требовалось скрепить вместе с помощью стального хомута. Намертво. Чтобы крысы не разбежались. Сказать, что это задача сверхсложная, значит, не сказать ничего. Крысы бились, визжали, вывертывались, кусались, рвались на свободу... Но через изнуряющие полтора часа борьбы Крысиный Король предстал во всём своём ужасающем великолепии! Скажу сразу, что трёхголовый монстр из детской сказки «Щелкунчик» при сравнении с корабельным Крысиным королём, как говорится, нервно курит в тамбуре!

Настал заключительный этап операции. Рвущееся в разные стороны исчадие ада положили в мешок и под прикрытием расставленных на стрёме карасей осторожно потащили по верхней палубе к главной цели операции – к приоткрытому иллюминатору отремонтированной каюты Большого Зама. Все на корабле знали, что иллюминатор Большого Зама всегда открыт на случай, если кому-то из стукачей понадобится сбросить какое-нибудь срочное донесение. Теперь кроме записок, Пашу в каюте будет ожидать и ещё и сюрприз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.